

У приглашённых профессоров такого калибра, как Сяо Мужань, характер неизменно отдавал причудливостью. Она нечасто баловала Университет А своими визитами, поэтому руководство вуза лезло из кожи вон, стараясь подстроиться под график гости.

Курс «История искусств» поставили первой парой. Первокурсники, вопреки ожиданиям, остались довольны: в огромных поточных аудиториях за дисциплиной обычно никто не следил — можно было и доспать, и в телефоне безнаказанно посидеть. Гуманитарные общеобразовательные предметы все по умолчанию считали «водой», и даже внушительный список регалий и званий перед фамилией профессора никого особо не впечатлял.

Впрочем, самой женщине было глубоко плевать, слушают её или нет. Она пришла сюда только ради Ли Жуна.

Узнав, что Цэнь Сяо подружился с ним и намерен добиться пересмотра дела Ли Цинли, Сяо Мужань долго пребывала в смятении. Когда с профессором Ли случилась беда, она немедленно забилась в выстроенную собственными руками зону безопасности. Она боялась любых новостей, ведь те не приносили ничего, кроме боли, и она была не в силах что-то изменить.

Но в глубине души женщина молилась. Молилась о том, чтобы кто-то набрался смелости и заставил замолчать толпу, изрыгающую проклятия и оскорбления. Чтобы кто-то, продираясь сквозь тернии, раскопал запутанные коррупционные связи. Чтобы кто-то по круплицам восстановил истину и справедливость. Чтобы кто-то дорожил честью учёного так же сильно, как и она сама.

Она и подумать не могла, что этим человеком станет её собственный сын.

С того самого дня, как Цэнь Сяо после экзамена в Девятом районе отказался возвращаться домой, Сяо Мужань поняла: они разошлись окончательно. И дело было не только в личной дистанции — их взгляды на мир стали диаметрально противоположными. Она осталась пленницей прошлого, а Цэнь Сяо устремился к цели, о которой она сама когда-то лишь смела мечтать.

Профессор целыми днями сидела дома, вычёсывая Незабудку и закармливая его лучшим кошачьим кормом. Она баловала кота, стараясь всячески его развлечь, и даже обустроила для него целую комнату, набив её всевозможными игрушками. Но ведь у Ли Цинли остался сын. Сын, на чьи плечи обрушились позор, несправедливость, долги и невыносимая боль.

Сколько бы тепла она ни отдавала питомцу, это никак не помогало покойному другу. Это было лишь попыткой утешить саму себя. Поэтому она хотела лично увидеть Ли Жуна — увидеть, как этот ребёнок сумел выжить после того, как его мир разлетелся вдребезги.

Чтобы отделаться от Сун Хэ, который с завидным упорством навязывался в попутчики, Ли Жун решил поваляться в постели лишние полчаса.

Сосед, уже собранный и обутый, постучал в дверь спальни:

— Ли Жун, занятия скоро начнутся, ты разве не встаёшь?

По натуре юноша не был общительным и редко стремился заводить дружбу первым, но сейчас у него просто не оставалось выбора — он обязан был сблизиться с Ли Жуном.

Ли Жун полулежал на кровати, листая книгу «Стратегическое мышление». С момента пробуждения он успел прочесть несколько десятков страниц, и это занятие ему уже порядком наскучило.

Откашлявшись, он отозвался притворно-сонным голосом:

— Ты сначала иди, я сейчас поднимусь.

Будучи прилежным студентом, Сун Хэ бросил взгляд на часы — до начала пары оставалось всего полчаса, он даже в столовую зайти не успевал. Не в силах больше ждать, он, скрепя сердце, бросил:

— Тогда я пошёл. Не опаздывай.

Ли Жун отложил книгу и прислушался. Стены в общежитии были тонкими: он чётко слышал удаляющиеся шаги и хлопок входной двери. Вскоре в комнате воцарилась тишина.

Ли Жун с облегчением откинул одеяло и слез с кровати. Он не понимал, с чего вдруг сосед воспытал к нему таким дружелюбием, и копать в причинах сейчас не хотелось. Лучшим выходом было просто и грубо действовать наперекор желаниям Сун Хэ.

Пока он чистил зубы, пришло сообщение от Цэнь Сяо.

[Цэнь Сяо: Уехал в Девятый район. Спокойно иди на лекцию, моя мать очень трусливая, тебе не о чем беспокоиться]

Ли Жун замер со щёткой во рту, вчитываясь в текст, после чего скептически выгнул бровь.

«Трусливая?»

[Ли Жун: Хорошо. Как закончишь с делами — дай знать]

Когда Ли Жун добежал до поточной аудитории, как раз прозвенел звонок. Он зашёл в зал секунда в секунду.

Однако он не ожидал, что окажется единственным, кто явился так поздно. Аудитория была забита до отказа — море голов, ни одного свободного места даже на самых галёрках. И что ещё удивительнее, Сяо Мужань уже стояла у кафедры, готовясь к началу.

Ли Жун и не подозревал, что в Университете А водятся столь дисциплинированные студенты. Замерев в дверях, он чувствовал себя почти прогульщиком, и в душе шевельнулось странное чувство неловкости.

Сяо Мужань, заметив его, тоже заметно занервничала. Она пришла на полчаса раньше специально, чтобы в тишине рассмотреть Ли Жуна. До этого она старалась разузнать о его судьбе через знакомых, но видела лишь старую фотографию с доски почёта школы А. Она боялась, что фото не передаёт реальности, и всё утро пыталась отыскать его лицо среди сотен других.

Но когда она действительно увидела его, то поняла — сына Ли Цинли она узнала бы из тысячи.

Ли Жун был изящнее и краше своего отца, и волосы носил длиннее, но эти глаза... Почти точная копия глаз Ли Цинли: нежные, миндалевидные, с тем самым мягким разрезом «лепестков персика». Глядя в них, невольно хотелось заглянуть глубже.

Но взгляд Ли Жуна был совсем иным.

В памяти Сяо Мужань глаза Ли Цинли остались тёплыми, искренними, наполненными солнечным светом. Стоило ему посмотреть на тебя, как ты кожей ощущал его любовь к миру и трепетное уважение к жизни. Она никогда не встречала этой исцеляющей, созидательной силы ни в ком другом, и потому была так очарована им.

С его сыном всё было иначе.

Взгляд юноши был спокойным, сдержанным, запертым в плотный кокон, сквозь который не просачивалось ни единой подлинной эмоции. Он не был прозрачным ручьём, дно которого видно с первого взгляда, он был густым туманом, навечно застывшим среди горных хребтов.

Такой же взгляд она видела у Цэнь Сяо.

Вероятно, это была цена. Цена за попытку собрать заново разрушенную картину мира, цена за боль, которую приходится нести, чтобы просто продолжать жить.

Только Сяо Мужань никак не могла взять в толк — откуда взялась эта боль у её собственного сына?

Сун Хэ замахал рукой:

— Ли Жун, иди сюда! Здесь!

Ли Жун замялся, понимая, что выбора у него нет — придётся сесть рядом. Он полагал, что при таком скоплении народа Сяо Мужань не станет открыто проявлять враждебность и хотя бы сухо бросит: «Занимайте своё место».

Но она молчала. Просто смотрела на него широко раскрытыми глазами, не в силах проронить ни слова. Ли Жун даже не мог разобрать, что именно отражается в её взгляде.

Сун Хэ, очевидно, пропустил завтрак, чтобы успеть занять места. Он устроился во втором ряду и специально оставил стул для Ли Жуна. Протиснувшись мимо коленей других студентов, Ли Жун наконец сел.

— Спасибо.

Сун Хэ сжал побелевшие губы и нервно сцепил пальцы:

— Я уж думал, ты опоздаешь.

Он искоса поглядывал на Ли Жуна, удивляясь его невозмутимости — тот ни капли не смутился под прицелом сотен взглядов.

Ли Жун слегка наклонился к соседу и под несмолкаемый гул голосов спросил:

— Откуда столько народу?

Сун Хэ не сразу понял вопрос:

— Столько народу?.. А разве не всегда так должно быть?

Он всё ещё мыслил категориями старшей школы, где полная посещаемость была нормой, а учителя дорожили каждой секундой.

Ли Жун с улыбкой пояснил:

— Я думал, в университете порядки посвободнее. Обычно на такие общие лекции народ не ломится.

Сун Хэ осенило:

— А-а... Просто вчера в чате курса написали, что профессор Сяо — настоящая красавица. Видимо, многие пришли из любопытства. Людям же вечно нечего делать.

Ли Жун не удержался от смешка:

— Вот оно что.

Если быть объективным, Сяо Мужань действительно была красавицей — иначе Цэнь Сяо было бы просто не в кого пойти такой внешностью. Но вот властности профессору явно не хватало; она выглядела так, будто любой студент мог её обидеть. Неудивительно, что Цэнь Сяо назвал мать трусихой. Ли Жун понял, что зря беспокоился: эта женщина точно не станет швыряться в него деньгами, как мать Сун.

Сяо Мужань долго не могла отвести взгляд от Ли Жуна. Наконец, заставив себя смотреть в экран проектора, она начала лекцию тихим, мелодичным голосом:

— На сегодняшнем занятии я представлю вам произведения искусства, которые особенно люблю. Каждое из них несёт на себе отпечаток своей эпохи...

В аудитории постепенно стало тише. Голос Сяо Мужань был негромким, и на задних рядах её, скорее всего, слышали с трудом, но повышать тон она не собиралась. Ей было всё равно, слышат ли её все. Людей, которые действительно имели для неё значение, в этом мире было слишком мало.

Ли Жун вскоре заметил, что лекция строится на самых базовых, общеизвестных вещах. Сяо Мужань не спешила выставлять напоказ сокровища своей семьи, которые могли поспорить с экспонатами лучших музеев.

Слушал он вполуха. Трехчасовая лекция делилась на две части с десятиминутным перерывом. Примерно через час Сун Хэ негромко спросил:

— Ли Жун, ты не проголодался? В перерыве сбегаю куплю пару булочек.

Ли Жун взглянул на соседа и заметил, что тот выглядит неважно: губы побелели, лицо осунулось.

— Что с тобой?

— Сахар в крови упал, — признался Сун Хэ. — Утром не успел поесть, но это ничего, пустяки.

Пока тот молчал, Ли Жун и сам не замечал голода, но теперь в желудке предательски засосало. Он невольно прижал руку к животу:

— Успеешь ли? В перерыве времени в обрез.

Вокруг были только учебные корпуса, до ближайшего магазина путь неблизкий. Если только на велосипеде туда-обратно, но и тогда придётся опоздать на начало второй части.

Сун Хэ взглянул на часы:

— Постараюсь побыстрее.

Как только прозвенел звонок на перерыв, парень, расталкивая толпу, бросился к выходу. Ли Жун остался на месте, подперев подбородок рукой и опустив голову, стараясь быть как можно незаметнее. В конце концов, это всего четыре лекции, можно и потерпеть. К тому же Сяо Мужань ещё не знает о его отношениях с сыном.

Сидя с опущенной головой, он внезапно кожей почувствовал, как взгляды студентов сошлись на нём. Те, кто сидел впереди, и вовсе обернулись, не скрывая любопытства. Ли Жун нахмурился и поднял глаза.

Профессор сошла с кафедры и теперь стояла в проходе, глядя прямо на него. Ли Жун замер, открыл было рот, но понял, что не знает, как к ней обращаться.

Сяо Мужань судорожно сцепила руки, её пальцы побелели от напряжения.

— Ли... Жун, — тихо позвала она. — Ты проспал и не успел позавтракать?

— Я... — Ли Жун не ожидал, что это будут её первые слова.

Она, словно испугавшись собственной навязчивости, поспешно добавила:

— Я заметила, как ты прижимал руку к животу... Слышала, у тебя проблемы с желудком. Если ты голоден, можешь сходить поесть, правда, ничего страшного.

Ли Жун искренне удивился.

«Я их трогал? — удивился он про себя. — Сам даже не заметил. Когда она успела это увидеть?»

Он вежливо улыбнулся:

— Спасибо... профессор, но не стоит беспокоиться.

Он чувствовал, что с родителями Цэнь Сяо лучше держать дистанцию. Иначе, когда они узнают правду об их отношениях, разразится катастрофа.

Сяо Мужань видела эту стену вежливости и настороженности. И она понимала его: после всего пережитого невозможно не ждать удара от каждого встречного. Трагедия такой силы могла сломить кого угодно, и то, что он выстоял, уже было подвигом.

От этой мысли сердце женщины сжалось от жалости. Вспомнив о чём-то, она быстро метнулась к кафедре, порылась в своей сумке и достала батончик — шоколадно-арахисовый мюсли. Совсем небольшой, но это было лучше, чем ничего. Она брала его для себя, чтобы дотянуть до конца занятий, но теперь протягивала Ли Жуну.

В её глазах читалась почти виноватая мольба:

— У меня только это с собой. Пожалуйста, съешь, не нужно морить себя голодом.

Ли Жун взял батончик. На душе стало беспокойно. От пластиковой обёртки исходил едва уловимый аромат парфюма — тонкий, ненавязчивый запах гардении.

В этот миг у него возникло странное ощущение: Сяо Мужань было абсолютно плевать на всех в этой аудитории, кроме него. И это равнодушие к остальным было каким-то естественным, почти детским. Её не заботило, что подумают другие; для неё сейчас не было ничего важнее, чем накормить Ли Жуну.

Запыхавшийся Сун Хэ ввалился в зал как раз в тот момент, когда Ли Жун неспешно дожёвывал шоколадный батончик. Глядя на пустую обёртку, а потом на две булки в своих руках, он застыл в оцепенении:

— Ты... взял еду с собой?

Ли Жун покачал головой и невозмутимо ответил:

— Профессор Сяо угостила.

Сун Хэ заторможенно сел на своё место:

— Оу... Добрая она женщина.

Ли Жун прищурился, отделяваясь от соседа дежурной улыбкой. В голове крутился один

вопрос: что Цэнь Сяо наплёл своей матери? С какой стати Сяо Мужань вдруг стала так добра к нему?

Доев батончик, он отправил сообщение Цэнь Сяо.

[Ли Жун: Ты уже вернулся? Зайди за мной в лекционный зал]

[Цэнь Сяо: Вернулся. Привезти тебе чего-нибудь поесть?]

[Ли Жун: Не надо. Ты что-то говорил своей матери?]

[Цэнь Сяо: А что такое?]

[Ли Жун: Она не только не устроила мне проблем, но и заботливо поинтересовалась моим завтраком. Тебе не кажется, что это... странно?]

[Цэнь Сяо: Ничего странного. Ты ведь такой милашка]

[Ли Жун: ...Завязывай]

Он знал, что Цэнь Сяо просто отшучивается, скрывая правду. Несмотря на то что они уже давно перешли все границы «откровенности» и прошли через сотни «сражений», юноша всё равно почувствовал, как к щекам приливает жар.

<http://bllate.org/book/15351/1442074>